

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

От редакции. Публикуем фрагменты из книги: *Шаповал М. Система суспільних наук і соціографія (народознавство)*. — Прага, 1932. — Ч.2. — Р. 2, 3.

Книга была издана небольшим тиражом — всего 200 экземпляров и ныне практически недоступна для специалистов и широкого круга читателей.

Публикуя предлагаемые фрагменты, редакция продолжает знакомство наших читателей с научным наследием Никиты Шаповала, начатое статьей Александра Юренко “Никита Шаповал о сущности нации как социального феномена”, помещенной в первом номере нашего журнала за 2001 год.

Публикации предшествует статья А.Юренко, посвященная особенностям общей социологической концепции Н.Шаповала и его мировоззрению.

АЛЕКСАНДР ЮРЕНКО,

соискатель кафедры методологии и методов социологических исследований факультета социологии и психологии Киевского Национального университета имени Тараса Шевченко

Никита Шаповал: мировоззренческие основы социологической теории

Abstract

The article deals with sociological and philosophical ideas of M.Shapoval (1882–1932), one of the founders of Ukrainian sociology. The author presents the main scientific ideas of M.Shapoval's works, including his manuscripts, mostly unknown even to specialists. Comparative analyses of these materials make it possible to conclude about a significant contribution made by M.Shapoval into the positivist approach to social sciences and creative application of the newest sociological concepts of his time.

Наша эпоха является эпохой огромного труда, когда возделывается поле социологии как науки, которая, орудуя методами точных наук, продвигается к полной победе над ограниченным ремесленничеством “специализации” и размахистыми фантазиями философской фантастики.

Никита Шаповал

Вынесенные в эпиграф этой статьи слова, написанные 70 лет назад, казалось бы, указывают нам на проблемы современной социологии. Ей “более всего недостает теоретической систематизации разрозненных фактов, обобщающих законов и определений. Именно это не позволяет ей стать в полной мере как теоретической, так и эмпирической дисциплиной” [1, с.629]. Очевидно, под этим утверждением нашего современника подписался бы не только его автор. А раз так, то совсем не лишним будет, наряду с синтезом новейшей теоретической мысли, не прекращать изучения и социологического наследия прошлого. По правде говоря, украинской социологии в прошлом не очень повезло на обоснованные теоретические разработки. Труды Никиты Шаповала остаются в ней скорее исключением и безусловно заслуживают внимания. Разрабатывая теоретико-методологические основания отечественной социологии, он прекрасно понимал важность как более универсальных определений, открытия и формулирования закономерностей самого широкого характера и много сделал в этом направлении, обобщив результаты в ряде своих работ.

“Система общественных наук и социография (народоведение)” — работа, фрагменты которой мы представляем в этом номере журнала — была опубликована в 1931 году в сборнике “Народоведение” Украинского Социологического института в Праге, основателем и бессменным директором которого был автор, а после его смерти (25 февраля 1932 года) вышла в Праге отдельной, изданной литографическим способом книгой, тираж которой составлял всего 200 экземпляров. Можно не сомневаться, что она едва ли знакома даже “узкому кругу специалистов”, как в случае многих других раритетов, написанных украинскими учеными межвоенной эмиграции.

Всякая социологическая теория базируется на философском мировоззрении автора. Его онтологическое и гносеологическое “credo” определяет фундаментальные основы оформленной в определенную концепцию интерпретации социальной реальности, содержащей представления о строении и функционировании общества. На этом основании формулируются эмпирические гипотезы, призванные объяснять отдельные социальные явления и факты.

Сразу же хочу заметить, что в отношении “социологической теории” и “социологической методологии” Н.Шаповала я сознательно допускаю некоторый синкретизм, поскольку в его научных построениях эти понятия иногда очень близки. К тому же, как известно, теория может и непосредственно выполнять функции методологии. Именно так и произошло в концепции Шаповала, который социологической теории и систематике отводил роль методологии всех общественных наук.

Мировоззрение Никиты Шаповала в период его зрелости носило целостный и последовательный диалектико-материалистический характер. Веру в “существование нематериальных субстанций” он считал “идеализмом наихудшего сорта” [2, с.57]. В русле материалистической парадигмы ученый решал “основной вопрос философии”: “Сознание не является врожденным свойством: сознание — это определенная сумма приобретенного опыта”. Экстраполируя это утверждение на современную ему социальную реальность, Н.Шаповал добавлял: “Сознание происходит из двух источников: из индустрии и науки, то есть сознание организуется в городах” [3].

Из этого лаконичного тезиса нетрудно проследить отношение Шаповала ко всякого рода априорным концепциям и утверждениям, а именно принципиальное их неприятие, которое последовательно воплощалось в разработанной им методологии. Однако в своей социологической теории основатель отечественной социологии именно сознанию как одному из оснований социальности и фактору человеческого развития отдавал приоритетное значение, а роль и функции его никогда не считал вторичными.

“Реальным состоянием” бытия является движение (курс. мой. — А.Ю.), поэтому социология без динамического представления общественного процесса была бы неполной” [2, с.152], — утверждает Н.Шаповал. Этот универсальный методологический принцип был положен в основу его общей социологической теории как обоснование предмета социологии, ее структуры и методов. “Не только статика явления, но и динамика его. Научное достижение главным образом получается из динамики явления, поскольку причинные связи и функциональные зависимости устанавливаем в действии и отношениях. Кто этого не понимает, тот рассматривает его предмет, свойства и действия изолированно от других явлений, а потому логически ограничивается лишь названием *вещей*, описанием их форм, но не приходит к пониманию закономерностей, присущих движению этого предмета. Такое изучение исходит сознательно или неосознанно из гипотезы о неподвижности мира. Между тем в действительности это не так: мир движется”, — обосновал ученый с позиций диалектического метода наиболее общие подходы к разработке социологической теории в работе “Современное состояние народоведения” [4, л. 5]. В только что приведенной мысли заложен еще один философский принцип, постоянное пренебрежение которым Шаповал в рецензии на книгу Д.Чижевского “Очерки по истории философии на Украине” (1931 год) — “Кое-что об украинской философии” — ставит в вину обществоведению: ““Вульгарная” наука занимается преимущественно констатированием вещей: какие они, сколько их — понимает их обособленно, как индивидуальности, иногда собранные вместе, но механически. К миру подходит аналитически, раскладывая на составные части, “атомизируя” его [5, л.111].

Такому распространенному и по сей день подходу ученый противопоставлял тезис о том, что действительность нельзя мыслить иначе как сложнейшую и постоянную связь всего множества процессов и явлений. Отсюда и ключевая, по его мнению, для определения “реальной социальной действительности” категория социальной взаимосвязи — “взаимодействие”: “Вселенная и мышление едины, элементы их связаны, поэтому и наука едина в своей основе. Самостоятельных наук не может быть, как не существует самостоятельных сфер действительности — все связано, взаимозависимо” [2, с. 41–42]. Признавая всю условность разделения действительности и наук о ней, Шаповал никогда не подвергал сомнению вывод Э.Дюркгейма о том, что социальная реальность является действительностью особого рода.

Еще одним принципом, присущим его мировоззренческо-научной и даже политической ориентации, был объективизм. “Для меня украинство имеет ценность, когда я вижу в нем новый тип”, — это “ранний” Никита Шаповал, редактор и ведущий публицист наиболее радикального украинского дореволюционного издания — модернистского киевского журнала

“Українська хата” подвергает ревизии сакраментальные для национально-сознательной интеллигенции установки. Он подвергает сомнению не столько их историческое содержание, сколько априорный характер, с которым их представляли украинской общественности некоторые идеологи национального движения. “Идея хороша тогда, когда она хорошо проявляется. Собственно на основании реализации нужно судить о ценности идеи” [6, с.246], — формулировал он далее принцип объективации внутренних побуждений индивидов и их общностей (а только так, по его мнению, и можно было изучать и квалифицировать их социальное поведение) и, наполняя его новым теоретическим содержанием, старался последовательно воплощать в науке и общественно-политической деятельности.

И мировоззренчески, и методологически, и, вне всякого сомнения, идеологически Н.Шаповал многое позаимствовал из работ первого украинского социолога, как он вполне справедливо его называл, Михаила Драгоманова, которого по общественно-культурному значению (как и И.Франко) ставил рядом с Т.Шевченко. Вполне определенно разрешив для себя им же и сформулированную дилемму — “Является ли Драгоманов нашим прошлым, как пытаются утверждать без всяких доказательств примитивно-эмпирические “политики”, либо нашим *сегодняшним днем*, как это докажем мы”, — Шаповал раскрыл и ее социологический подтекст. “Современный украинский интеллигент, обучавшийся в русской или австрийской старой школе, оказался неспособным подняться на уровень драгомановского мышления” [7, л. 46], — к такому выводу он пришел на основании своих наблюдений.

Одной из методологических установок М.Драгоманова, которую использовал и развил в своих трудах по социологии Н.Шаповал, был плюралистический (многофакторный) подход при анализе социальных явлений. Импонировали Н.Шаповалу и другие научные и общественные идеи М.Драгоманова и исповедуемые им ценности, а именно: примат универсальных культурных ценностей, которые Драгоманов, будучи последовательным, хотя и “нетрадиционным” позитивистом, видел прежде всего воплощенными в достижениях модерной научной мысли. Драгомановское “понимание социализма в первую очередь этическое: социальная справедливость как моральный императив, без решения вопроса о преимуществе индивидуальных или коллективных форм хозяйственной организации” [8, с. 590] явилось фундаментом Шаповалового общественного идеала, со “спилчанством” включительно. Правда (и это весьма существенно), речь шла о сохранении такого института, как государство. Подобно М.Драгоманову (и не в последнюю очередь благодаря ему), Н.Шаповал не разделял основ примитивного позитивизма (эволюционизма, социал-дарвинизма), а также марксистского вульгаризированного материализма, критикуя методологический монизм последнего. Вот показательное рассуждение Н.Шаповала, проливающее свет на почву философско-мировоззренческой позиции основателя украинской социологии: “...Отдельные системы наук связать в одну общую систему при современном состоянии знания невозможно из-за отсутствия одного принципа, которым объяснились бы все явления. Доказательством того, что подобные попытки монистически объяснить мир предпринимались и предпринимаются, являются высоко претенциозные конструкции — материализм, энергетизм, спиритуализм, но кто мог бы сказать, что эти гипотезы объяснили нам мир в виде законов? Мы еще не

знаем ни “материи” психического явления, ни “материи” явления жизни, а потому материализм не может претендовать на раскрытие этих тайн” [2, с.35]. У меня не вызывает сомнений, что в этом контексте Шаповал высказал скептическое отношение не к материализму в целом, так сказать “в принципе”, а лишь к имеющимся материалистическим философским концепциям и прежде всего к марксизму, пытавшемуся (и не без успеха) узурпировать репрезентацию материализма в общественном сознании.

Гносеологической посылкой ненаучного, псевдотеоретического мышления Н.Шаповал считал позицию, когда так называемая теория “охватывает огромные конгломераты разнородных явлений, а потому *факты в теорию не укладываются*” (курс. мой. — А.Ю.), — подчеркивал он в рукописи книги “О народоведении. Наука” [7, л. 17]. Имманентным недостатком таких попыток выдавать эклектичные конгломераты представлений и понятий за научные системы, по мнению Шаповала, является пренебрежение диалектическим методом, отсутствие настоящей, соответствующей объектам классификации, которую подменяют онтологическим и гносеологическим монизмом. “Мышление неразложенными конгломератами — это ненаучное мышление, с наукой и ее методом оно не имеет ничего общего” [7, л. 17], — резюмировал Н.Шаповал. Развивая эту мысль, он затрагивал, в частности, марксистскую концепцию. “Наиболее характерным примером модных псевдотеорий, — пишет ученый, — является так называемый “марксизм”. Вся история общественных отношений — это история классовой борьбы. А классовая борьба ведется за экономические интересы, которые являются разными вследствие современной системы производственных отношений. Но так ли это? Имеем тысячи фактов борьбы не за экономические интересы (за славу, за любовь, за религию, за науку и т.п.) — следовательно, они хоть и входят в “историю”, но не вошли в теорию односторонней хромoty. Вот конгломераты марксизма: “производственные отношения”, “производительные силы”, “способ производства”. “Производственные отношения — это отношения, в которые вступают люди в своем общественном процессе жизни”, — говорит Маркс в “Капитале” и продолжает: “Производственные отношения в их совокупности создают то, что мы называем общественными *отношениями, обществом*, а именно общество на определенной исторической ступени развития” (“Капитал” ст. 219–220)” [7, л. 28–29]. Подытоживая Марксово обоснование общественных отношений, Н.Шаповал отмечает: “Итак: общественные отношения = производственные отношения = экономические отношения. Из этого следует, что деятельность ученого в химическом или каком-либо другом институте относится к экономическим отношениям, а таблица логарифмов — экономический факт. ... Размножение (репродукция жизни по Энгельсу имеет два “момента: производство материальной жизни — пропитания, одежды, жилья” и второй — “люди начинают производить других людей, которые начинают размножаться”). Познание, охрана от нападений, развлечения, отдых, сон — действительно, деятельность по удовлетворению этих потребностей является общественной или же экономической? Мудрецы марксизма объясняют, что экономической” [7, л. 30].

На основании весьма детального рассмотрения украинский социолог делает собственный вывод: “Как видим, один конгломерат отвечает второму конгломерату. Маркс так и пишет в “Анти-Прудоне”: “Социальные отноше-

ния тесно связаны с производительными силами. С появлением новых производительных сил люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, то есть способа сохранения своего существования, они изменяют все свои общественные отношения". Даже простой, неграмотный человек не отождествит экономические отношения со всей суммой общественных отношений, ибо легко отличить от производства материальной жизни репродукцию людей (процесс размножения и все его общественные феномены), никогда не признает рождение детей частью "производственного процесса" в семье, никогда не отнесет к экономике ни науку, ни искусство, ни религию, ни спорт и развлечения, ни отдых, ни войны, ни революции. Ни в одну экономическую теорию нельзя вместить выше перечисленные процессы". То есть Н.Шаповал на основе даже простого, эмпирического знания выдвигает серьезные аргументы против марксистской интерпретации социальной жизни. А потом переводит полемику в плоскость научно-теоретическую, употребляя при этом, казалось бы, очевидные доказательства: "Ни в одну экономическую "теорию" нельзя вместить выше перечисленные процессы. Классы явлений неживой природы (ветер, пар, вода, электричество и многое другое), классы явлений живой природы (биологические), классы явлений психических и социальных не могут быть сведены в одну систему, в одну теорию, поскольку явления физико-химические нельзя отождествлять с биологическими, в том числе и с психическими. *Мышление неразложимыми конгломератами — это ненаучное мышление*, с наукой и ее методами оно не имеет ничего общего" [7, л. 31]. Из этого тезиса вполне логично вытекает общая оценка Никитой Шаповалом современного ему марксизма: "«Марксизм», «ленинизм» как своеобразные социально-метафизические построения, претендуя на научность, далеко отстоят от науки в целом и от социальной в частности..." (цитируется по тексту рукописи рецензии "*Кость Довгань. До питання про соціальну функцію книги*". ДВОУ. Видавництво "Пролетар", Харків-Київ, 1931 р., с.102)" [5, л. 128].

Примечательно, что Никита Шаповал стремился доказать ненаучность марксистских построений именно с позиций диалектического материализма.

Наблюдая за развитием "марксизма-ленинизма" в Украине, он, разумеется, не питал особых иллюзий относительно его функций в том обществе, понимал, что они имеют мало общего с наукой. Но как ученому, а потом уже как политику ему важно было на основании научной методологии доказать тщетность усилий коммунистического обществоведения. В 1931 (возможно, в 1932) году Шаповал в упомянутой выше рецензии отмечал: "В данное время несколько сот периодических изданий, несколько тысяч книжек, каждый год пишущихся украинцами, "диалектическими материалистами", уничтожают диалектику: они утверждают, что был тезис — религия, стал антитезис — безверие и что синтеза не будет, потому что мировая "диалектика" не хочет функционировать как правильный механизм Абсолютного Духа.

По-видимому, мы должны наперекор философам советской Украины подождать пока диалектический "цикл" завершится синтезом, который сольет в себе признаки тезиса и антитезиса (религии и атеизма)" [5, л. 118]. Рассмотрев всего один аспект "марксистской", как считалось, научной пропаганды, он указывал на тупик, в который зашла эта "наука" в целом.

Правда, большевизм был вульгаризированным, часто даже фальсифицированным марксизмом (Н.Шаповал и сам это понимал, в данном контексте иногда помещая термин “марксизм” в кавычки). И поэтому возникает вопрос: не ошибался ли он, отождествляя с марксистской теорией ленинско-сталинскую практику? Но никакого выбора для этого ни ему, ни кому-то другому общественная реальность не оставляла. К тому же, не следует забывать, что Н.Шаповал был принципиальным объективистом, и цитируемое выше его высказывание: “Идея хороша тогда, когда она хорошо проявляется. Именно по реализации нужно судить о ценности идеи” (что так созвучно основному постулату самого марксистского учения о единстве теории и практики), хоть и относится к сфере оценочных суждений, но одновременно указывает на мировоззренческо-методологические ориентиры ученого. Н.Шаповал опирается при этом как на собственное понимание категорий материалистической диалектики, так и на огромное число эмпирических фактов, которые он черпал, применяя социологическую методологию, из общественной действительности. Поэтому в целом его аргументация принимает вид *системы*, носит четкий доказательный характер и доступна проверке. Для самих же адептов Маркса общественная практика вопреки философским основаниям, которых они якобы неукоснительно придерживались, в итоге не выполняла роли инструмента проверки их доктрины, поскольку она никогда не выступала для них в роли научной гипотезы, а лишь в роли аксиомы. Поэтому, между прочим, функционирование большевистско-коммунистического режима, который многие, в том числе и сам Н.Шаповал [9, с.5], называли и называют экспериментом, весьма условно коррелирует с содержанием этого термина.

Иногда Н.Шаповал высказывал это метафорически, например, в памфлете “Наука о тактике (Из записок черта)”, где он, исходя из законов жанра, изображал большевистский режим как эксперимент дьявола над обществом.

Впрочем, в социологическом познании Шаповала российская (большевистская) революция и “советская власть”, как и революция украинская, выполняли функцию социетального естественного эксперимента, правда, без методически выписанных процедур. Описание его результатов можно найти в Шаповаловых работах, в частности в таком довольно лаконичном фрагменте из “Социологии украинского возрождения”, в котором зафиксирован в высшей степени абстрактно огромный массив социальной эмпирики: “Марксизм, как социология в данное время, по-видимому, переживает неслыханный кризис. Неудача революции, проводившейся марксистами и якобы по рецептам Маркса, очевиден. Люди начали революцию “по правилам”, вели ее пламенно, искренне, диктатуру пролетариата ввели бескомпромиссно и говорили: будет освобождение труда, будет буйный расцвет промышленности, будет расцвет культуры, будет уничтожен милитаризм, империализм, будет самоопределение наций и т. д., а в действительности пришли к полной противоположности! Это действительно какая-то химерная “наука”, все “предусмотревшая” так строго научно, а при *попытке* (курс мой. — А.Ю.) произошло все наоборот и гораздо хуже, чем в капитализме” [9, с. 7]. Используя вполне рациональный подход, украинский социолог указывал на последствия этого “эксперимента” еще до 1922 года — то есть до написания цитированной выше работы. Это было не сугубо интуитивным, а сознательным познанием исторического процесса, взглядом не провидца, а ученого, который считал свои выводы очевидными, хотя, между прочим, не

отказался от социалистических убеждений. Это последнее обстоятельство не означает, впрочем, что Никиту Шаповала можно отнести к историческим — приверженцам той мировоззренческо-философской доктрины, согласно которой история с необходимостью движется в заранее определенном направлении, и концептуальную несостоятельность которой блестяще доказал в середине 40-х годов прошлого века Карл Поппер [10]. Наше утверждение вытекает не столько из самого факта решительной критики Н.Шаповалом марксистской философии и социологии, сколько из сути его аргументации: научность (то есть истинность) любых социетальных концепций нельзя воспринимать *a priori* — необходима проверка их на практике. Эта мысль четко проступает из оценки ученым марксистской науки: “Решительная попытка марксистской социологии и политики обнаружила полное бессилие коммунизма. И кто же в этом виноват: жизнь или “научный социализм”? Помимо субъективной доброй воли экспериментаторов объективный ход вещей оказался неожиданным: коммунизм пришел к противоположному тому, что он “научно обещал”. По-видимому, — и так это понимают люди — наука, марксистская социология и построенная на ней социальная политика марксистов обанкротились” [9, с.7].

Понимание Н.Шаповалом марксизма и ленинизма как “своеобразных социально-метафизических построений” имело следствием то, что он не верил в их научную ценность, что достаточно красноречиво подтверждают приведенные выше его рассуждения. И дело не в том, что он находился в политически и идеологически враждебном коммунизму лагере. Правда, один из его персонажей — воображаемый Черт — провозглашает следующие тезисы: “Большевизм — это инфекция на социализме. Инфекция ортодоксии, которой я убиваю всякое движение... Большевизм как метод борьбы с социализмом” [11, л. 64].

Однако взгляд Никиты Шаповала как социального аналитика проникал дальше этих, казалось бы, предельных для социалиста характеристик. Любые метафизические концепции, а не только “марксизм-ленинизм”, по его мнению, были несовместимы не только с социалистической политикой и идеологией, а в первую очередь, с наукой, а их политическая несостоятельность проистекала уже из этого. “Если взять всю массу словесного материала, которым оперируют люди, то мы могли бы аналитически разложить ее на три формации: верования, опыт и наука”, — отмечал Н.Шаповал в рукописи работы “О народоведении. Наука” (по всей вероятности, 1930–1931 годы). Когда же речь идет о научном познании действительности, то ученый считает, что “мы и ставим первой обязанностью науки — отмести не только нормативно-оценочные элементы, не только философические спекуляции, а прежде всего нужно отбросить верования и не приближать их даже к рангу гипотез, то есть предположений, которые хоть и не имеют полной доказательности, но выводятся из определенного количества доказательств вероятности” [4, л. 23]. Критикуя концепции представителей немецкой формалистической школы в социологии, в частности Л. фон Визе (с которым он, кстати, находился в дружеских отношениях как с коллегой), за самостоятельность категории “формы” социальных общностей, существующей якобы сама по себе, вне людей, как чистое проявление “социальности”, Шаповал высказывал свои соображения относительно метафизической философии. “... Так и слышишь голос средневековья, что уверяет о реальности “духа вне людей”, “бога”, таково же понятие и социальной реальности.

Это худший сорт метафизики — религиозного ипостасирования, олицетворения функции, которую логически нельзя отделить от ее носителя. Эти фантазии, прожекты, по выражению Петражицкого (русский ученый, исследователь теории права. — А.Ю.), и ставят перед нами как “объект”, который должна изучать социология. Это не имеет ничего общего с *реализмом науки*, которую можно видеть, слышать, воспринимать, вычислять, измерять, раскладывать на составные части и главное — *проверять опытом другого человека* (курс. мой. — А.Ю.) [2, с.77]. Думаю, что этот тезис как своеобразный индикатор мировоззренческой позиции ученого является само собой разумеющимся и не требует даже комментариев, хотя его можно было бы дополнить еще одним Шаповаловым указанием на распространенность иррациональных подходов, построенных на основе метафизического понимания действительности в науке и в массовом сознании, что весьма перекликается с реалиями наших дней. “Современные “общественные науки” переполнены верованиями, иллюстрацией чего служат буквально сотни взаимоисключающих “теорий” о каждом социальном объекте — обществе, государстве, нации, классе, праве, морали, искусстве и т. д. Если это можно видеть невооруженным глазом в “общественных науках”, то что уж говорить об обывателе, рассуждающем о политике, государственном строительстве, народных интересах! Здесь мы уже попадаем в непролазные дебри верований и фикций, которыми оперирует общественная масса — подавляющее большинство индивидов, обращающихся в современном европейском обществе” [4, л. 13]. Тут имеет место не только констатация состояния общественного сознания, но и мысль о невозможности пребывания науки в зависимости от иррациональных умозрительных построений. Отсюда же и такая категорическая ориентация украинского обществоведа на элиминирование метафизики из науки.

Чисто умозрительную философию Н.Шаповал считал гносеологически сродни метафизическим спекуляциям и тоже отрицал ее познавательную роль, а тем более — как методологии общественных наук, в частности социологии. Такую философию, или “философствование” он считал просто опасным для науки. В чем он усматривал критерий реалистичности научного познания, видно из его рассуждений, приведенных выше. Относительно умозрительности, составляющей суть “философствования” Никита Шаповал отрицал не ее вообще (наоборот, он считал абстрагирование одним из оснований научности), а ее самодостаточность, оторванность от чувственно-эмпирического опыта, когда умозрительные выводы предъясняются вместо исследования фактов. Особенно это касается общественных наук. Строить заключения непосредственно на основании понятий вместо исследования фактов, “творчеством” наворачивать отсутствие эмпирических данных — “это значит часто идти от науки, а не к науке”. “У ученых с недостаточной методологической культурой, но с претензиями на наукообразие изложения своего предмета всегда встретите прежде всего спекулятивные формулировки вместо научного реализма, и это будут верования, хоть и не религиозные” [4, л. 19], — не без сарказма предостерегал Никита Шаповал.

Еще одним мерилом научности для основателя Украинского Социологического института в Праге было четкое размежевание науки и собственно нормативных дисциплин. Зиждилось оно на его видении категории “необходимо-должного” — безотносительно к методу науки, в том числе и социологии. Правда, он считал, что возможен определенный синтез социоло-

логии как научно-теоретического основания с нормативными предметами, имеющими целью образование ряда практических (прикладных) социологических дисциплин по типу социотехники, социальной инженерии или социальной технологии (предметом которой является научно обоснованная политика), экономики, права, дипломатии, педагогики и т.п. Но относительно нормативно-оценочных суждений в самой науке ученый был настроен категорически, аргументируя их несовместимость с научной методологией тем, что для установления истины существенно лишь доказательство, но отнюдь не оценка. “Внесение в науку оценочных соображений представляет настоящую опасность, тормозящую развитие науки, переполняет ее фикциями, субъективно-утилитарными тенденциями, которые между наукой и действительностью поддерживают несоответствие, логически-познавательный разрыв. Чем ниже методологическая культура ученых, тем больший они допускают разрыв между наукой и действительностью, тем наука менее развита” [4, л. 19], — этот императивный в методологическом плане вывод украинского социолога перекликается с хорошо известным принципом Макса Вебера

Однако Н.Шаповал считал ошибкой хорошо ему знакомого П.Соркина то, что тот совершенно исключал нормативно-оценочные суждения из социологии и полемизировал по поводу этого с “субъективной школой” русской социологии. “Война с русской школой “субъективной социологии” (Лавров, Михайловский, Южаков, Кареев, Чернов и др.), которая (школа) настаивает на необходимости считаться с категорией “должного” (“Добро, Справедливость и т.п. ”), не может быть выиграна методом логического насилия: “Отрицаю и все тут”.

“По-видимому” — это также явление “должного” и его нужно исследовать, делать предметом науки. Ошибка школы “субъективной социологии” не в том, что она настаивает на необходимости изучения явлений нормативно-оценочных, а в том, что она сочетает в неразрывности науку и оценку, сущее с должным, тогда как теоретически это разные точки зрения” [2, с.159–160], — адресовал Шаповал свой упрек корифею русской и американской социологии.

В представленном в предлагаемой публикации материале читатель, вероятно, заметит близость Никиты Шаповала к позитивистскому направлению в философии и социологии. Однако следует заметить, что во многих принципиальных, мировоззренческих вопросах он не соглашался с позитивизмом XIX — начала XX века. Хотя уместно, напомнить, что едва ли не первой книгой по социологии, попавшей в руки Н.Шаповала, были “Основания социологии” Г.Спенсера.

Особенно импонировала ему позитивистская концепция единства методов естественных и общественных наук. “Нет иного пути, как пользование единственно научными методами природоведения”, — замечал он, имея в виду методологию социологии [12, л. 95], одновременно указывая и на то, как трудно применять эти количественные методы к изучению социальной реальности.

Однако у Шаповала были и расхождения с классическим позитивизмом во многих методологических вопросах (что представляет тему отдельного исследования). Среди таких вопросов необходимо отметить отношение к философии. “Хоть некоторые последователи Конта и старались “преодолеть позитивизм” (напр., Масарик), — однако мы видим у Халушного (чеш-

ского социолога — современника Шаповала. — А.Ю.), Сорокина и других защитников чистой науки все большее и последовательное развитие к позитивизму, как мировоззрению, исключающему “философствование””, — оценивает Шаповал позицию наиболее авторитетных для него социологов. Но сразу же делает оговорку: “Как бы последовательно мы ни шли путем позитивизма, это совсем не исключает потребности и возможности общей увязки всех элементов бытия в одну систему, одно *научное мировоззрение* (курсы мой. — А.Ю.), которое мы и называем философией, решительно отбрасывая спекулятивный метод в конструкции философии и основанную на нем фантастику (метафизику)...” [2, с.158]. Таким образом, ученый констатирует не только общее, но и различия в подходах с представителями “бескомпромиссного социологического позитивизма”.

И мировоззрение, и научная методология Н.Шаповала дают основания отнести его к направлению “логического позитивизма”, заявившего о себе в 20–30-е годы XX века, и до сих пор не отошедшего в историю, занимающего в философии и социологии надлежащее место. Его самый выдающийся представитель К.Поппер, характеризуя предпосылки, необходимые для разработки адекватных задачам научного познания методологии и методов, отмечал: “Потребность в стимуле со стороны практических проблем так же вполне понятна в случае изучения методов научного исследования, а особенно методов обобщающих или теоретических социальных наук... Наиболее плодотворными есть такие дебаты о методе, которые стимулируются определенными практическими проблемами, на которые натолкнулся исследователь” [10, с.79].

Задача создания украинской социологии как науки, целью которой является познание общественной действительности для решения практических общественных проблем и, прежде всего, преобразования украинского общества, — вот что служило таким стимулом для Никиты Шаповала.

Литература

1. Соціологія. Короткий енциклопедичний словник. — К., 1998. — С. 628–629.
2. Шаповал М. Система суспільних наук і соціографія (народознавство). — Прага, 1932.
3. Шаповал М. Завдання української визвольної праці // Правда і воля (Вінніпег). — 1929. — 20 листопада.
4. Центральный государственный архив высших органов власти Украины (далее — ЦГАВОУ). — Ф.3563. — Оп.1. — Д.71.
5. ЦГАВОУ. — Ф.3563. — Оп.1. — Д. 86.
6. Українська хата. — 1911. — № 4.
7. ЦГАВОУ. — Ф.3563. — Оп.1. — Д. 61.
8. Енциклопедія українознавства : Перевидання в Україні. — К., 1994. — Т.2. — С. 589–591.
9. Шаповал М. Соціологія українського відродження (з соціології і політики національного відродження). — Прага, 1936.
10. Поттер К. Злиденність історичизму. — К., 1994.
11. ЦГАВОУ. — Ф.3563. — Оп.1. — Д.19.
12. ЦГАВОУ. — Ф.3563. — Оп.1. — Д.8.